

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Осень с ДЕТЕКТИВОМ

Татьяна Устинова
Анна и Сергей Литвиновы
Евгения Михайлова
Елена Логунова
Наталия Антонова
Александр Руж

Великолепные детективные истории. Новое оформление

Татьяна Устинова

Осень с детективом

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Осень с детективом / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2023 — (Великолепные детективные истории. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-191786-9

Сборник «Осень с детективом» открывает новый сезон шуршащих под ногами листьев, ярких зонтов и теплых красок природы. Популярные отечественные авторы, работающие в жанре остросюжетной литературы – Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Альбина Нури и другие известные писатели – в своих коротких криминальных историях передают все оттенки осени. Это чарующее время года становится прекрасной декорацией к тем захватывающим происшествиям, с которыми сталкиваются их герои. И, конечно, они с блеском распутывают все тайны и загадки, которые преподносит им осень!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191786-9

© Устинова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Елена Логунова	6
Что-то другое	6
Александр Руж	21
Тринадцатого в тринадцать	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Осень с детективом. Сборник рассказов
Татьяна Устинова, Анна и
Сергей Литвиновы, Альбина
Нури, Евгения Михайлова и др**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Елена Логунова

Что-то другое

– Валя? Валечка, ты ли это?

Бабка внезапно прекратила нахваливать укроп с петрушкой и уставилась на Валентину Петровну. Блеклые глаза налились слезами, руки – в каждой зажат пук зелени – обессиленно опустились. А еще секунду назад она так бодро размахивала своими «букетами», настойчиво демонстрируя пышность и свежесть товара, – ни дать ни взять резвая барышня из группы поддержки спортивной команды!

– Мы знакомы? – Мордасова присмотрелась к «черлидерше».

Где-то она видела это длинное, как у лошади, скорбное лицо...

Вспомнить – где именно, почему-то не получалось, и Валентина Петровна рассердилась на себя. Куда это годится, без пяти лет пенсионерка, а память – девичья!

Непрофессионально это – опытному кадровику иметь такую память.

– Валечка, это же я, Эмма Павловна. Витюсика мама.

В голове опытного кадровика клацнуло – с таким звуком мог бы выдать результат вычислений старинный арифмометр, и из ящика воображаемой картотеки в голове само собой выскочило нужное личное дело.

– Виктор Козлов, наладчик станков ЧПУ, – машинально произнесла Валентина Петровна.

– Ах, милая моя! – Мама наладчика Козлова полезла энергично обниматься.

«Букеты» свои она при этом не положила, и они заелозили по спине Мордасовой, как мочалки.

Валентина Петровна встревожилась. Ее спину этим теплым и солнечным сентябрьским днем обтягивало трикотажное полотно молочно-белого кардигана. Нового и недешевого, между прочим! Будет очень жаль, если на нем появятся затяжки и зеленые пятна.

– Я тоже очень рада вас видеть, Эмма Павловна, – аккуратно высвободившись, заверила во всех смыслах старую знакомую Мордасова.

Она уже все вспомнила.

Витюсик Козлов непродолжительное время трудился на заводе, где его матушка была средней руки боссом по профсоюзной части, а сама Валентина Петровна работала в кадрах. Давненько это было, лет тридцать назад, пожалуй.

Заботливая Эмма Павловна тогда настойчиво пыталась самолично, не доверяя небезупречному вкусу сына, найти ему добрую подругу, с этой целью она то и дело заходила в бухгалтерию и к делопроизводителям, где наиболее часто появлялись новые сотрудницы. Потом ей кто-то подсказал – или она сама сообразила, что поиски можно упростить, если регулярно получать информацию из первых рук, в отделе кадров, и с этой целью подружилась с тогдашней начальницей Валентины Петровны. Но даже при столь основательном подходе найти идеальную девушку, способную подарить Витюсику счастье в личной жизни, никак не получалось. Тогда Эмма Петровна решила, что провинциальные барышни недостаточно хороши, и отправила сына куда-то в столицу... По всей видимости, именно в Северную – в Питер.

Продолжения саги о Козловых Мордасова не знала. Сама она перебралась в град Петров всего полгода назад и с Витюсиком на берегах Невы не встречалась, бог миловал.

– Надо же, и ты тут? А давно? И что, как? – Эмма Павловна возбужденно фонтанировала вопросами.

Валентина Петровна демонстративно посмотрела на часы:

– Вы извините, Эмма Павловна, но мне пора на работу... Так почему у вас зелень, вы сказали?

– Ой, да бери так, не разорюсь я с одного пучка. – Козлова всучила ей «букет» поменьше и, удерживая за руки, потребовала: – Дай телефон свой, созвонимся, встретимся, вспомним прошлое...

– Спасибо. – Мордасова аккуратно уложила в сумку подарок и, понимая, что отказать будет неудобно, дала бабушке визитную карточку.

Та была новенькая, белоснежная, с золотой вязью, складывающейся в неудобочитаемое название компании, которую сама Валентина Петровна называла «Гырмырпыр Гырмырпейшн». Компания занималась разработкой высокотехнологичного продукта, сути, смысла и назначения которого Мордасова не понимала, что совершенно не мешало ей планомерно и неостановимо приближать к идеалу команду сотрудников.

Хороший кадровик – он любую рабочую группу улучшит, хоть о футболистах речь, хоть о трактористах, хоть о блокчейн-разработчиках!

– Созвонимся! Я наберу! – покричала взбодрившаяся Козлова в белую трикотажную спину торопливо удаляющейся Мордасовой.

Валентина Петровна на ходу покивала, в душе надеясь, что бабушка не разберет затейливую вязь и перепутает цифры телефонного номера.

Никакого желания встречаться и вспоминать стародавнее заводское прошлое у нее не имелось.

А зелени ей нужно было два пучка. Два, а не один!

Второй пришлось докупить в магазине у дома.

Это Валентину Петровну расстроило.

У бабушки Козловой, надо признать, укроп и петрушка оказались посвежее, а Мордасова была не чужда перфекционизма: если есть выбор – всегда надо брать лучшее! Хоть о кадрах речь, хоть о продуктах.

Прошли те времена, когда она вынуждена была варить бульон на голых костях, нынче «Гырмырпыр Гырмырпейшн» оплачивал бесценной сотруднице расходы на провиант. Так уж вышло, что варка борща по умолчанию стала важнейшей обязанностью многоуважаемого кадровика компании.

У дверей ее квартиры на десятом этаже отирался Иваныч – немолодой и благородно седовласый, но разнообразно активный админ «Гырмырпыр Гырмырпейшн». Услышав характерный звук причалившего лифта и увидев выходящую из него Мордасову, он отлепился от стены, горделиво распрямился во весь свой не столь высокий рост и с претензией молвил:

– Ну, Валя! Я все понимаю, скайп и зум – от лукавого, но на обычные звонки-то можно отвечать?

– Я отвечаю, – сказала Валентина Петровна и спохватилась, что поутру не оживила мобильный, отключенный перед сном.

Вернее, перед тем, чем они с Иванычем занимались до того, как уснули.

Воспоминание заставило ее покраснеть, и все же она с достоинством договорила:

– Всегда отвечаю, если не занята чем-то более важным, чем служебные дела.

Теперь уже Иваныч проявил сообразительность и покраснел.

Отключать мобильные «перед сном» предложил именно он. Админу не раз случалось и среди ночи принимать внезапные вызовы руководства, которое обитало преимущественно в метавселенной и о режиме дня и ночи нормальных людей имело смутное представление.

– Говори уже, что там. – Валентина Петровна открыла дверь, придержала ее для Иваныча и вслед за ним вошла в прихожую.

– Там очередная девчуля-красотуля по твоему объявлению пришла. – Иваныч притопнул ногой, чтобы собеседница не затруднилась с пониманием, где – там: этажом ниже.

Офис «Гырмырпыр Гырмырпейшн» помещался в такой же, как у Мордасовой, «двушке» на девятом этаже. Очень удобно: ни затрат на дорогу к рабочему месту, ни опозданий.

Валентина Петровна взглянула на часы, висевшие на стене, и удивилась:

– Я ей назначила на четырнадцать часов, а сейчас двенадцать!

– Точно! – Иваныч энергично кивнул, и серебряные проволочки «ежика» на его голове затряслись и заблестели, как новогодняя мишура, – красиво. – Ее подвела техника. Смартфон сам собой перевернулся с московского времени на омское, а это три часа разницы.

– Еще одна! – Мордасова закатила глаза.

Иванычу не нужно было объяснять, о чем она. Они давно сошлись на том, что являются осколками древней цивилизации, последними атлантами.

Атлантам и в голову не пришло бы всецело доверять смартфонам, компьютерам и прочим вместилищам Искусственного Интеллекта. Атланты посмотрели бы время на часах – наручных, настольных, настенных.

У поколения гениальных рукожопов, как Иваныч любовно называл их юных коллег, часов вообще не имелось.

– Чем больше их, тем меньше нас, – вздохнул Иваныч и посмотрел на наручный хронометр. – Так ты идешь?

– На четверть часа, не больше, – твердо сказала Валентина Петровна. – Иначе не будет вам на обед никакого борща, придется суши заказывать.

– Чур меня, чур! – открестился Иваныч, и они пошли вниз.

Девчуля-красотуля сидела на диванчике в прихожей – единственном, кроме кухни и санузла, помещении, где было светло. В комнатах, где стояли рабочие столы с компьютерами, окна были постоянно зашторены и царила вечная ночь. Из-за этого Валентина Петровна называла офис вампирским логовом и не любила в нем задерживаться, предпочитая работать у себя дома.

– Здравствуйте, не ждала вас так рано, – с легким укором сказала Мордасова девушке и опустилась в кресло, которое вместе с диваном образовывало комфортный мягкий уголок – подходящее место для проведения короткого собеседования.

Иваныч тихо испарился.

– Простите, у меня гаджет глюкнул, – виновато глянула гостья.

– Я поняла, – сухо сказала Мордасова.

– Какой-то системный сбой, не иначе. – Из большой комнаты выглянул, не вставая из-за своего стола в углу, долговязый кодер Коля, он же Клаус, и высказался в поддержку девушки: – У меня Сири на Гринвич перешла, я на два часа опоздал! А Юрец вообще не явился сегодня. Видать, по Нью-Йорку теперь живет.

– Юра не вышел на работу? И никого не предупредил? – Валентина Петровна подняла бровь. – Может быть, у него что-то случилось?

– Где? В Мурино? – искренне удивился Клаус. – Что здесь может случиться?

Он покачал головой, удивляясь высказанному Мордасовой предположению, и снова скрылся.

Валентина Петровна промолчала. Она давно поняла: в представлении ее юных коллег по настоящему бурная и насыщенная жизнь протекала исключительно в виртуальной реальности. Юрца, не явившегося на работу, имело смысл искать не в Мурино, а в метавселенной, о которой сама Мордасова твердо знала только одно: порядочные женщины позднего бальзаковского возраста в такие места не ходят.

Она отложила полученную информацию о прогульщике в дальний ящик своей воображаемой картотеки и сосредоточилась на собеседовании претендентки на вакансию пиар-менеджера.

Компания планировала листинг своего токена на криптобирже Бинанс, что бы это ни значило, и без спеца по манипулированию общественным мнением было не обойтись.

К вопросу о неявке на работу штатного фронтенд-разработчика Юрия Колосова Валентина Петровна вернулась после обеда, аккуратно к которому (не пропускать же сеанс кормления горячим борщом!) в офис прибыл глава компании Ваня, он же Гена – поскольку генеральный директор.

Саму Мордасову, к слову, продвинутые коллеги поначалу порывались кликать эйчаром, но ей это слово сильно не нравилось, как и вовсе ужасно звучащее «дирпопер» – сокращенное от «директор по персоналу». «Кадровик, просто кадровик», – скромно и с достоинством говорила о себе Валентина Петровна с интонацией киношного Джеймса Бонда.

Впрочем, птичий язык своих товарищей она научилась понимать и даже могла поддерживать разговор.

– Что пиарщица, норм? – доев борщ, спросил ее Ваня-Гена. – Скиллы годные, апрувим ее?

– Утвердить всегда успеем, профессиональные навыки надо бы еще проверить.

– Затестим, – пообещал начальник и что-то поискал глазами.

Валентина Петровна молча поставила перед ним полный стакан. Ваня благодарно кивнул, одним махом выдул домашний компот (а смузи свой модный по глоточку цедил и кривился!) и, поднимаясь из-за стола, добавил напоследок:

– Огурцу прогул не ставьте, он и дома покодит, ему не впервой.

– Юре прежде уже случалось не выходить на работу? – уточнила Мордасова.

Она рулила кадрами «Гырмырпыр Гырмырпейшн» всего три месяца, и при ней таких вопиющих нарушений трудовой дисциплины не бывало. Обед никто не пропускал.

– Хи из илл, – предположил Кондратий – тимлид, в просторечии – руководитель команды разработчиков, задержавшийся за столом в надежде на добавку.

Надежда была оправданна: Валентина Петровна готовила из расчета на весь личный состав, и неявка Юрца-огурца сэкономила целую порцию.

– Он уже вчера был не норм, – подсказала единственная в команде девушка – синеволосая Нюха с кольцом в носу и целой коллекцией цветных татуировок на тонких руках. – Баги не ловил.

– Вери бэд он был естедей, – подтвердил Кондратий и поднял свою пустую тарелку, подставляя ее под полный половник. – Типа, дасти.

– Пыльным мешком ударенный, – поэтично перевел Иваныч.

– Это вери интрестинг, – задумчиво молвила Мордасова и погрузилась в размышления.

Их результатами она поделилась только с Ваней и Кондратием, явившись в их общий кабинет вскоре после обеда и плотно прикрыв за собой межкомнатную дверь.

– Иван, а вы уверены, что это не повторение июньской истории? – озадачила начальство вопросом кадровик, просто кадровик.

В начале лета команда конкурентов едва не вывела «Гырмырпыр Гырмырпейшн» из игры, переманив несколько ценных кадров. Тогда именно Валентина Петровна разобралась в ситуации, обнаружив в наслоениях пыли на дальней оконечности рабочего стола шефа заявление об уходе, оставленное ее предшественницей. По этой ниточке и размотала все дело...

Но теперь уборка офиса производилась регулярно, и за делопроизводством Мордасова следила неукоснительно.

– Заявление Юрец не приносил! – заявил Ваня, на всякий случай поворошив бумаги на столе и заглянув в ящик.

– Да илл он, илл, – успокоил их Кондратий. – Говорят, новый грипп появился.

– Я с вашего разрешения все-таки проверю его стол. – Валентина Петровна должна была исключить версию о дезертирстве с линии трудового фронта.

Она вышла из маленькой комнаты – кабинета начальства – и подошла к большой.

За открытой дверью царил тишина, к которой, с учетом общей обстановки, лучше всего подходило определение «гробовая»: крошечный мрак в помещении рассеивало лишь голубоватое свечение мониторов, а угадывающиеся в сумраке очертания массивных рабочих столов наводили на неуютную мысль о каменных саркофагах.

Восседающие на креслах-тронах труженики с подсвеченными голубым физиономиями не выглядели ни симпатичными, ни даже живыми. Быстро и ловко двигались только их пальцы – при виде этого Валентине Петровне всякий раз неприятно вспоминался необычный персонаж какого-то фильма ужасов – отрубленная кисть руки, называемая Вещь. Тут таких Вещей обычно насчитывалось пять пар, а сегодня, в отсутствие Юры Колосова, четыре.

Взгляд, устремленный в затемненное помещение с порога, не позволил выявить иных отличий от обычной картины рабочего процесса, поэтому Валентина Петровна громко сказала:

– Товарищи, я извиняюсь, но мне очень нужен свет! – и хлопнула ладонью по выключателю на стене.

Товарищи ожили, кто-то застонал, кто-то потер глаза. Только Нюха не сменила позу и не прервала пугающий танец своих Вещей, поскольку, помимо наушников, была в повязке на глазах.

Это Мордасову не шокировало: она знала, что девушка очень любит подтверждать свои навыки сертификатами и сейчас готовится сдать экзамен по слепой печати. Уже и место под новую верительную грамоту на стене расчистила.

Порядки в «Гырмырпыр Гырмырпейшн» были самые демократичные. Коллеги называли друг друга не по имени-отчеству, а забавными прозвищами, дизайн рабочих мест никак не регламентировался, и сотрудники украшали (захламляли, по мнению Мордасовой) свои столы и стены вблизи них по собственному вкусу.

У Нюхи излюбленными элементами декора были рамки с сертификатами, у Клауса – разнокалиберные немые кружки, у Дрона – плакаты с изображением какой-то милой хрупкой девочки по имени Саша Грей, а у Юрца-огурца – фигурки персонажей современного японского фольклора аниме. «Ни бе ни ме», – называла их про себя Валентина Петровна, тактично не озвучивая нелестное мнение вслух.

Она не собиралась сеять панику в рядах коллег, не забывших недавние события, едва не приведшие к краху компании, поэтому пересчитала фигурки на столе Колосова исключительно взглядом.

Однако коллеги и без того угадали ход мысли кадровика. Клаус, вынув из ушей пластмассовые загогулины, сказал:

– Все здесь, не сомневайтесь. А уж Лайта Ягами Юрец никогда бы не оставил, он за него сорок ю эс ди си отвалил!

– Сорок гырмырпыров вот за это? – не удержалась шокированная Валентина Петровна. Гырмырпырами она называла все без исключения токены, при этом наотрез отказываясь принимать любые цифровые деньги в качестве оплаты своего добросовестного труда. – Пороть его некому!

Юрец жил один, в собственной новой квартире, ипотеку за которую уже успел выплатить. Разработчикам платили хоть и в гырмырпырах, но щедро.

– А не мог он оставить нам эти свои сокровища в качестве погашения морального долга? – вслух задумалась Валентина Петровна.

О Колосове она была высокого мнения. Хороший мальчик, умный, работающий, не пьет, не курит, а что нормальную подружку никак не найдет, на пучеглазых мультяшек засматривается, так это временно.

Валентина Петровна и сама в юности была влюблена в киношного д'Артаньяна, а теперь только радовалась, что не встретила такого мушкетера. Вот как бы она с ним жила, дебоширом, гулякой и пьяницей?

– Эти, может, и мог, а вольфрамовый кубик – никогда и никому! – убежденно сказал Дрон, по паспорту – Андрей. – Проверьте в ящиках, если кубик там, значит, и Огурец вернется.

Наблюдать, как Мордасова заглядывает в ящики чужого рабочего стола, народ не стал, и Валентина Петровна ощутила признательность к коллегам за деликатность.

Это чувство предельно усилилось, когда чуть позже в одном из ящиков рядом с пресловутым вольфрамовым кубиком – весьма недешевым сувениром криптоэнтузиаста – нашлось кое-что по-настоящему шокирующее.

Афишировать свою находку Валентина Петровна не стала. Просто незаметно забрала ее, спрятав в кулаке, и унесла прямым к себе на десятый этаж.

Эмма Павловна заявила в гости к бывшей коллеге тем же вечером. Совершенно бесцеремонно напросилась: позвонила через десять минут после окончания рабочего дня и непрекаемым тоном объявила, что готова встретиться. Где, мол, тебе, Валечка, удобно?

Валечке было бы удобно нигде и никогда. В крайнем случае, если это уж так неизбежно, – в одной из многочисленных кофейно-кондитерских. Но Валечка уже успела поставить вариться гороховый суп, а это дело долгое и требующее пригляда.

Как назло, Иваныч, которого в такой ситуации можно было бы оставить на хозяйстве, плотно засел в офисе и, судя по обрывочным ругательным возгласам, делал там что-то очень неприличное с какой-то компьютерной матерью.

Деваться было некуда, и Мордасова пригласила Козлову к себе.

Зря, конечно же.

Эмма Павловна явилась с винтажным гостевым набором: бутылка недорогого коньяка, шоколадка «Аленка» и крупный лимон, цветом и твердостью подобный окочурившейся канарейке. Валентина Петровна поймала волну ретро и подала на стол нарезки – мясную и сырную, баночку шпрот и соленья ассорти.

– Как в старые добрые времена! – оценив стилистическую точность картины, растрогалась бывшая профсоюзная начальница.

Продолжая традицию, выпили по рюмочке за встречу, потом за те самые былые времена, которые за давностью лет стали казаться чуть ли не райскими, без особого чувства обругали Горбачева и Ельцина, которые «все испортили», дипломатично похвалили действующего президента, который старается «поднять Россию-матушку», и наконец перешли от общего к частному – от положения дел в государстве к ситуации на личном фронте.

Мордасова отчиталась коротко, с аккуратным акцентом на трудности, чтобы гостя не подумала, будто у нее жизнь – малина: давно в разводе, дети взрослые далеко, переехала в Питер полгода назад, долго мыкалась без работы, потом трудоустроилась, зарплата нормальная, но треть уходит на ипотеку.

Козлова слушала невнимательно, жевала и кивала, нетерпеливо дожидаясь, когда можно будет начать эпический сказ о собственных горестях. Валентина Петровна приготовилась терпеливо внимать, но неожиданно увлеклась рассказом госты и даже стала проникаться сочувствием.

Эмма Павловна пережила настоящую трагедию. Оказывается, любимого Витюсика давно уже нет в живых.

– Вот чувствовала я, что нельзя его одного отпускать, но бывший свекор уперся рогом: внука приму, а тебя, Эмка, никогда! И заманил к себе моего мальчика, соблазнил двухкомнатной квартирой с видом на Мойку. И что толку-то? Пропал Витюсик без маминого пригляда.

Валентина Петровна слушала с интересом, – история была как в кино. Дед, одинокий старик, внука, видно, любил и ту самую прекрасную квартиру завещал ему. Но Витюсику, которого гиперзаботливая маменька не приучила к самостоятельности, это не пошло на пользу. У не приспособленного к жизни парня с завидным жильем в центре города быстро завелись какие-то подозрительные знакомые, начались тусовки-массовки, да с алкоголем, а потом и с наркотой. Дедову квартиру Витюсик продал, деньги спустил неизвестно куда, а закончилось все совсем плохо: одним далеко не прекрасным утром тело двадцатипятилетнего парня обнаружили под лестницей в подъезде старого дома в пригороде.

– В крови нашли наркотик и больше не разбирались, конечно, – прихлебывая коньяк, как воду, рассказывала Козлова. – Сказали – умер от передозировки, но я-то знаю своего мальчика! Да ты же помнишь, Валечка, какой он был хороший, правильный, просто золотой! Гулянки, наркотики, передоз – не верю я в это, Валя! Тут что-то другое.

Гостья помотала головой, отчего ее пегие пряди – наполовину рыжие от хны, наполовину седые, затряслись, как пук сена на ветру, и повторила убежденно:

– Тут что-то другое!

Потом она стукнула кулачком по столу – Валентина Петровна едва успела отовинуть тарелку – и с ненавистью прошипела:

– А вс-сссе Ш-шурка, с-ссскотина!

– Кто такая Шурка? – осторожно уточнила Мордасова, убирая подальше мельхиоровые столовые приборы.

Бабка что-то опасно разошлась, и чувствовалось – не успокоится, пока не выговорится.

– Не такая, а такой. Шурка – Сашка Ветров, Витюсика одноклассник... Да ты должна его помнить, он у нас на заводе в охране работал. Конопатый такой, морда как яйцо куропатки.

Ни куропаток, ни их яиц Валентина Петровна никогда не видела, а Сашку Ветрова помнила смутно, но все же покивала, чтобы не нервировать бабку.

– Он, этот Шурка, как узнал, что у Витюсика персональная жилплощадь появилась, тоже дунул в Питер. Вот он моего мальчика и сбил с пути, я уверена. С таким дружком и врагов не надо, от Шурки вечно одни неприятности были, мать с ним намучилась... А я говорила Витюсику: не дружи с этим мальчиком, он плохой, хулиган, драчун и двоечник, неподходящая для тебя компания...

Эмма Павловна пригорюнилась.

– Может, чайку? – предложила Валентина Петровна. – У меня мятный, он успокаивает...

– Сама успокаивайся! – огрызнулась гостья и плеснула еще коньяка. – Я за Витюсика пить буду, за упокой его светлой души.

Она опрокинула рюмку в рот, шумно выдохнула, зажевала лимонной долькой, скривилась и процедила сквозь зубы:

– Встретился бы мне этот Шурка – убила бы гада!

– Так вы теперь живете где-то на Мойке? – попыталась перевести тему хозяйка.

– На помойке! – ощерилась гостья. – Сказано же тебе – продана та квартира давно, я себе комнату в коммуналке купила. Тут, в Питере, чтобы к сыночку на могилку ходить.

По морщинистым щекам потекли слезы, и Валентина Петровна встала, чтобы все-таки заварить успокаивающий чай.

– И ты знаешь, что это было, Валя? – забираясь ночью под теплый пышный бок подруги, устало рокотал Иваныч. – Компьютер, в принципе, работает, но со сбоями, я ж думал – с

чипами беда, полез посмотреть мамку – ан нет, что-то другое. Я такой – наверное, неисправна часть микросхемы южного моста, а это...

– Что-то другое, – сонно пробормотала Мордасова и натянула повыше одеяло. – Андрюша, дай поспать, о микросхемах утром поговорим.

– Молчу, молчу, – согласился Иваныч, удобнее устраиваясь на подушке.

Но в голове у Валентины Петровны до самого подъема по сигналу будильника так и сяк крутилось-ворочалось сказанное ей двумя разными людьми «это что-то другое».

И утром за завтраком заговорила она не о микросхемах, в которых ровным счетом ничего не понимала, а о своей проблеме – кадровой.

– С Юрой Колосовым что-то случилось, – сказала она, задумчиво помешивая ложечкой чай.

– Валя, парню двадцать пять, а у него чупа-чупсов полные карманы, пора уже было загулять по-настоящему, – не разделил ее беспокойства Иваныч.

Валентина Петровна вынула ложечку из чашки и, наставив ее на сотрапезника, как пистолет, сказала строго:

– Андрей Иванович, я таких шуток не понимаю. Загулы загулами, а прогулы прогулами. Если Колосов не сообщил о причине своего отсутствия на рабочем месте, значит, с ним что-то случилось. За последние три месяца он дважды опаздывал и всякий раз предупреждал меня телефонным звонком. А когда ему срочно понадобилось к стоматологу, честно отпросился у руководителя, хотя с огромным флюсом ему даже разговаривать было трудно.

– Валя, не паникуй. – Иваныч пошел на попятную. – Огурца всего-то день не было. Может, мы сейчас спустимся, а он уже там.

Но Колосов не появился в офисе ни в девять утра, ни в тринадцать.

– А отсутствие на рабочем месте без уважительной причины свыше четырех часов – это уже не опоздание, а прогул, – проинформировала Мордасова начальство, попросив Ваню-Гену и Кондратия задержаться после обеда (гороховый суп с копченостями, хоть и варился в нервозной обстановке приема незваной гостьи Эммы Павловны, удался и был принят в высшей степени благосклонно). – И это уже второй прогул подряд. Или я чего-то не знаю? Может, вы дали Колосову работу на дом и контролируете ее выполнение как-то так... – она пошевелила пальцами, словно щупая невидимый плод, – на расстоянии?

– Через CRM-систему, – подсказал Иваныч, который не ушел далеко и беззастенчиво подслушивал из прихожей.

– Ща я гляну, – Ваня-Гена полез в свой ноутбук и через минуту покачал головой. – Нет, ни фига он за два дня не продвинулся.

– Не страшно, есть еще время до дедлайна, – вступился за своего бойца Кондратий. – Сами, что ли, не знаете, как это бывает: увлекся чем-то, потерял счет тайму. Или вдохновенья нет – ищет. Кодить – это вам не суп варить, тут креатив нужен.

– Насчет супа я с вами поспорю, но позже, – холодно пообещала Мордасова. – Сейчас хочу кое-что показать. Надеюсь обойтись без этой демонстрации, но, похоже, иначе мне не убедить вас, что дело серьезное. Вот, как вам это?

Она выложила на стол маленький пакетик.

– Оба-на, – первым заговорил Иваныч, не оставшийся в стороне, то есть в прихожей. – И откуда такие цветочки-ягодки?

– Из ящика рабочего стола Колосова. – Валентина Петровна скрестила руки на груди и сделалась похожа на Фрекен Бок из мультфильма про Карлсона.

Не хватало пылесоса под мышкой и коты у ног.

– Что скажешь? – Шеф посмотрел на зама.

– Не, ну вдохновенье, конечно, по-разному можно искать, но это уж слишком. – Кондратий от волнения даже изменил своей обычной манере фаршировать речь англицизмами. – И я же предупреждал всех: у нас такого не должно быть!

– И я предупреждал – никакой дури, – кивнул Ваня-Гена и поднял глаза на Мордасову. – И что вы предлагаете? Уволить?

– Уволить?! – Валентина Петровна живо расплела руки, чтобы всплеснуть ими. – Вот так просто, сразу – уволить?! А побороться за товарища? Вырвать из омута пагубной зависимости? Вернуть в ряды трудового коллектива?

– Спокойно, Валя! – Иваныч приобнял ее за плечи. – Сейчас все будет – и поборемся, и вырвем, и вернем!

– Юрец хороший кодер, – задумчиво сказал Кондратий. – Фиг мы найдем ему замену ин момент.

– Командуйте, – переглянувшись со своим замом, Ваня-Гена встал из-за стола.

И снова Валентина Петровна вынуждена была помешать налаженному трудовому процессу. На сей раз она без извинений включила свет в большой комнате, где пугающе тархтели по клавишам четыре пары Вещей.

– Аттеншен, стафф! У нас серьезный трабл, – войдя в помещение, объявил Кондратий и выразительным жестом передал слово боссу.

– Дирпопер объяснит, – Ваня перебросил воображаемый мяч Мордасовой.

Она приняла подачу и даже не стала обижаться на гендира за дирпопера. Стафф ждал, дедлайн приблизился предельно. Не тайм тянуть кэт за хвост.

– Товарищи, – откашлявшись, сказала Валентина Петровна, – коллеги. Один из нас попал в беду, и мы должны объединиться, чтобы спасти его... – От волнения у нее перехватило горло.

– Как в MMORPG? – влез в образовавшуюся паузу встрепенувшийся Клаус.

– Ты что?! Не надо в морг! – испугалась Мордасова.

– Это такая командная игра, – подсказал стоящий за ее плечом Иваныч и потыкал пальцем в ближайший монитор, – там. Когда вся разношерстная толпа – как один. Типа, колдун, два эльфа, гоблин и красotka с гранатометом дружно наводят шороху, кто во что горазд.

– Подходит, – внимательно выслушав, постановила Мордасова. – Чур, я с гранатометом. А тепер слушайте, что надо делать.

– Где-то здесь. – Иваныч влез на отвал земли за свежерытой канавой и из-под руки осмотрел окрестности. – Или вон тот желтый дом, или этот кривой.

– Этот, – решила Валентина Ивановна, осторожно перейдя через канаву по жердочке. – Синий только что сдан и еще не заселен, а Юра в своем жилье уже три года прописан.

– Братан, где тут двадцать третий дом по Озерной? – Иваныч выцепил взглядом таджика в желтом жилете дорожного рабочего.

– Гиде азон, – ответил «братан» и застучал отбойным молотком, положив конец едва начавшемуся разговору.

Пункты выдачи интернет-магазинов окружали заставленный машинами двор со всех сторон, и на первом этаже дома, архитектурную особенность которого Иваныч не оценил, назвав его кривым, тоже виднелась вывеска.

– Нам туда, – лавируя между автомобилями, припаркованными во множестве и преимущественно небрежно, Мордасова направилась к подъезду.

Но она не дошла: отвлеклась на заголосивший мобильный. Полагая, что это звонит кто-то из коллег – с информацией о Колосове, конечно, – Валентина Петровна приняла вызов, даже не взглянув на входящий номер.

– Слушаю! – нетерпеливо воскликнула, жестом остановив на пороге Иваныча. – Говорите!

– Извините, вы Мордасова Валентина Петровна? Или это она? – неуверенно спросил женский голос в трубке.

– Кто – она? – машинально уточнила Валентина Петровна.

– Ну, бабка. К нам тут бабку доставили, без документов, только визитка в кармане. Она, что ли, Мордасова?

– Мордасова – это я. – Валентина Петровна моментально вспомнила, какой бабке недавно дала визитку. – Она, скорее всего, Козлова Эмма Павловна.

– Родственница ваша, нет?

– Нет. А что? Постойте, вы сказали, ее к вам доставили. К вам – это куда? – Мордасова ощутила острый укол тревоги.

Чувствовала же, что нельзя отпускать подвыпившую старуху одну, надо было вызвать ей такси или хотя бы проводить до метро! Но Эмма Павловна от всякой помощи решительно отказалась, она под коньяком вообще на редкость боевитой сделалась – коня на скаку остановить, в горящую избу войдет... Есть бабушки в русских селеньях.

– К нам – это в больничку районную, – ответила женщина в трубке. – Вы, если родственников ее знаете, скажите им, пусть едут в Токсово. Лежит их бабка с черепно-мозговой, авось очнется еще, но это без гарантии.

– Погодите! – Валентина Петровна по голосу поняла, что ее собеседница собирается положить трубку. – А что с ней случилось, с Эммой Павловной? Она упала и ударилась головой?

Упасть и удариться чем угодно в темное время в активно застраиваемом челоуейнике было очень просто. Валентина Петровна сама только что едва не свалилась в канаву, и это на трезвую голову и белым днем.

– Может, и упала. Но, судя по фингалам под глазами, не сама. Ну, с этим пусть полиция разбирается. – Голос в трубке развеялся.

– Что случилось, Валя? – Иваныч поддержал пошатнувшуюся подругу.

– Все не слава богу, – пробормотала она и потерла лоб.

Валентина Петровна заметила, что сделала это бумажкой с адресом, выписанным из личного дела Колосова: дом двадцать три, корпус два, квартира четыреста восемь. Тихо чертыхнулась и вернулась к прерванному делу:

– Куда нам тут?

– Вторая парадная, третий этаж, – сориентировался по номерам у подъезда Иваныч. – Заходим!

Ключа-таблетки у них, конечно, не было, но они попали в дом вслед за кем-то из жильцов. В многоэтажке на добрую тысячу квартир двери подъездов не закрывались, все время кто-то входил-выходил.

А вот в четыреста восьмой квартире, похоже, никого не было. На трели дверного звонка, прижатого пальцем Валентины Петровны, и молодецкий стук кулаком в исполнении Иваныча никто не отреагировал.

– Или его там нет, или он там, но не может открыть, – сделала вывод Мордасова и, коротко оглядевшись, шагнула к соседней двери.

– Что ты хочешь, Валя? – не угадал ее намерений Иваныч.

Валентина Петровна решительно ткнула палец в кнопку звонка четыреста девятой квартиры.

Тут ей повезло. Из-за двери незамедлительно донеслось напевное «Хто-о та-ам?», подкрепленное аккомпанементом размеренно шаркающих ног.

– Мы из квартиры этажом ниже, нас четыреста восьмая заливает! – соврала Мордасова, не придумав чего лучше.

Да и зачем? В современных новостройках с хлипкими системами коммуникаций старый трюк с «подтоплением» не мог не сработать.

– Ой, а у меня уже нет ключей! – всполошилась распахнувшая дверь старушка. – Раньше были, как раз на всякий такой случай, и чтоб кота кормить, если Юра задерживается, а как раз вчера новый хозяин забрал всю связку...

– Что за новый хозяин? Юра продал квартиру? Давно? – насторожилась Мордасова, забыв, что ее, как жертву технологической катастрофы, должно волновать совсем не это.

Старушка, к счастью, этого логического прокола не заметила. Она засмотрелась на Иваныча, который коварно строил ей глазки, подкручивая ус а-ля гусар летучий.

Валентина Петровна не стала ревновать аманта к столетней барышне. Поняла: так Иваныч рассеивает внимание противника.

– Не зна-аю, мне он ничего не говори-ил. – Старушка рдела и млела.

– Ты полегче. – Мордасова незаметно ткнула своего гусара под ребро. – Кто ничего не говорил, Юра или новый хозяин?

– Никто-о ничего-о не говори-ил...

– Идем. – Валентина Петровна сдернула красующегося Иваныча с места и с ускорением потащила по коридору.

Это прекрасно сочеталось с легендой о затоплении, но Мордасову соответствие придуманной роли уже не волновало. Войдя в лифт и нервным тычком в кнопку отправив его на первый этаж, она снова достала мобильный и позвонила в офис – Кондратию.

– Еще задание, – торопливо сказала она в трубку, едва услышав бодрое «Йес, мэм!» – Проверьте криминальные новости, полицейские сводки – я не знаю, что именно, сами сообщите. Ищите информацию о нападении на бабу. Или о драке с участием бабки... Сегодня ночью это было и где-то в нашем районе.

– Дивный экшен, – впечатлился Кондратий. – Он как-то связан с нашим Юрцом?

– Возможно.

Пока Кондратий не озвучил свой вопрос, Валентина Петровна такую вероятность не рассматривала, но теперь с замиранием сердца подумала – а вдруг? Если так – дела совсем плохи...

– И еще нужно узнать все, что можно, о сделке по продаже квартиры, адрес в личном деле Колосова, – сказала она.

– Юрец продал свой флэт? Так, статус сделки посмотрим на сайте Росреестра, инфу о собственнике – в ЕГРН... а нового владельца пробивать?

– А можно?

– Ноу предела совершенству! – заверил ее коллега и покричал в сторону: – Эй, бэби, залезешь по-быстренькому в базу МВД? Как бывший суперхакер?

– Да где я хакер? – донесся до Валентины приглушенный голос Ньюхи. – Я всего дважды взломала базу ЦРУ и один раз... а, неважно. Что надо-то?

– Мы все найдем, – вновь вернувшись к разговору с Мордасовой, уверенно пообещал тимлид.

Коллеги с хакерским прошлым не подвели: информации нашли много и сделали это быстро. Когда Валентина Петровна с Иванычем вернулись в офис, Ваня-Гена уже готов был докладывать.

– Итак, сначала про чужую бабу, а потом уже про нашего Огурца, – начал он, когда Кондратий вернулся из забега в кофейню через дорогу с разнокалиберными стаканами в картонных гнездах и раздал всем напитки.

Доклад заслушивали в кухне за кофе и пышками: Валентина Петровна сочла необходимым простимулировать работу мозга – и своего, и чужого – чем-нибудь сладким и озаботилась покупкой десерта на всех.

– В криминальных сводках ничего такого нет, но Дрон просеял соцсети и нашел свидетеля. Одна местная тетенька живо и с юморком поведала друзьям и подписчикам, как поздним вечером наблюдала презабавную сценку. Какая-то бабка прицепилась к случайному прохожему и погналась за ним с криком: «Стой, шкура, убью гада!» А убила или нет, тетенька не в курсе, потому что пошла в другую сторону. Ее собачка за собой тянула, у той была своя программа. Не факт, конечно, что это та самая бабка...

– Та самая, – мрачно молвила Мордасова и яростно укусила пышку, сделавшись похожей на быка с кольцом в носу. – И не «шкура» она кричала, а Шура. Потом объясню, о ком речь. Давайте дальше.

– А дальше про Огурца. Кондратий глянул – в соцсетях его нет...

– Это я знаю, вчера еще пыталась найти его аккаунт в ВК, – перебила Валентина Петровна, нерничаящая и оттого невежливая.

– Да не в тех соцсетях. – Кондратий поглядел свысока, коллеги зафыркали, Мордасова сконфузилась. – В твиттерскоре, в дискорде, на гитхабе – Юрец уже несколько дней нигде не появлялся. С пятницы, если точно.

– А в пятницу он был на работе в последний раз, понедельник прогулял, сегодня тоже не вышел. Это что же получается? – Валентина Петровна подсчитала и встревожилась пуще прежнего. – Четыре дня от нашего товарища ни слуху ни духу!

– А что с продажей квартиры? – Иваныч напомнил о факте, который нужно было прояснить.

– И вправду продана, – подтвердил Ваня. – Нюх, кому?

Нюха вытянула из-под стакана распечатку, которую использовала как салфетку, и прочитала с листа:

– Парамонову Вячеславу Романовичу.

– Это еще кто? – Валентина Петровна предполагала услышать другое имя.

– Кто-то. – Экс-хакерша пожалала татуированными плечами. – Наверное, законопослушный гражданин, на него нигде ничего.

Образовалась пауза, занятая глубокомысленным чавканьем.

Маслянистую питерскую пышку, густо облепленную сахарной пудрой, беззвучно не съесть. То есть можно, конечно, но не так вкусно получается.

– И что теперь? – наконец не выдержал Иваныч. – Мы узнали, что ничего не узнали?

– У меня тоже есть вопрос, – задумчиво сказала Мордасова. – Или даже предложение, это вы сами решите... Уж извините, если снова глупость скажу, я в этом ничего не понимаю, но мобильный телефон Юры – он же не вне зоны доступа, да? Просто Юра не отвечает на звонки. А если телефон не выключен, его можно как-то отследить, да? В кино отслеживают.

Кто-то поперхнулся пончиком.

– Ну, Валя! Ну, это сильно! Такое... я даже не знаю, кто сможет, – восхищенно-недоверчиво сказал Иваныч.

– А что вы на меня так смотрите? – напряглась Нюха. – Я только Пентагон ломала, наших – никогда!

– Эх, была не была! – тряхнул давно не стриженными кудрями Дрон. – Писал я как-то одну программулину очень серьезным ребятам, себе, конечно, лазейку оставил, все не было повода попробовать... Какой там номер у Огурца? Рискнем здоровьем.

Он встал и устремился в большую комнату к своему компьютеру. Заинтересованные коллеги, на ходу перебрасываясь непонятными Мордасовой репликами, заторопились следом.

– Я надеюсь, про гранатомет ты недавно пошутила? – оставшись вдвоем с Валентиной Петровной, спросил Иваныч. – Огонь по пеленгу открывать не планируешь?

– Там видно будет, – уклонилась от прямого ответа Мордасова.

Через полчаса стало ясно, что мобильный телефон Юры Колосова выключен, но исправен и на редкость быстро для неодушевленного предмета без ног и крыльев перемещается на северо-запад.

Умные люди сопоставили направление и скорость движения мобильника с картой Ленобласти, схемой транспортных сетей и расписанием пригородных поездов. Вывод уверенно озвучил Ваня:

– Едет в Выборг на обычной электричке, будет там в 20:30.

– Надо догнать, – твердо сказала Мордасова. – Как успеть, есть варианты?

– «Ласточка» уже ушла, вертолет мы по деньгам не потянем, но если на классной тачке да с крутым водилой выехать прямо сейчас... – прикинул Кондратий.

– И что вы на меня смотрите? – теперь занервничал Ваня.

– Помним, что кто-то недавно обмывал новый «Ягуар», – проникновенно глядя на шефа, сказала Нюха. – И этот суперкар прямо сейчас стоит в гараже под нашим домом...

– Ё-п-р-с-т, – начальник выругался. – Знал же, что не надо хвастаться...

Спустя каких-то четверть часа они уже были на пути в Выборг, и Ваня снова сетовал:

– Надо было брать семейный минивэн!

За руль крутого авто его владельца не пустили.

– Твоим правам без году неделя, уступи дорогу профи, мальчик! – водительское кресло нагло занял Иваныч.

Шефу пришлось сесть сзади, рядом с Дроном, которого с другой стороны подпирала Мордасова. У Дрона на коленях помещался открытый ноутбук с программой слежения, у Вани – Нюха. Сомнительное удовольствие, когда девица костлява, как суповой набор. Клауса оставили в офисе на хозяйстве, хотя он согласился ехать в багажнике, но таковой в хваленном спортивном автомобиле был по размерам равен лишь гному. Переднее пассажирское кресло досталось Кондратию как самому толстому.

Вообще-то, если честно, самой крупной в компании была Валентина Петровна, но коллеги из деликатности ей VIP-место не предложили, а сама она на него и не претендовала – желала вместе с Дроном следить за движущейся по экрану точкой.

Перехватить ее у вокзала не успели. Как ни лихачил Иваныч, отыграть всю фору, полученную поездом, не смог.

– И куда теперь? – испугалась Мордасова, когда увидела стоящую у перрона электричку – пустую, без высадившихся пассажиров.

– Туда. – Дрон махнул рукой, указывая направление уже не на карте, а на местности.

– В первый раз в Выборге? – галантно поддерживая Валентину Петровну в забеге по булыжной мостовой, спросил Иваныч. – Прекрасный старинный город!

Конечно, города она не увидела. Краем глаза отмечала мелькающие серые каменные стены, чугунные фонари, витрины сувенирных лавок и кофеен, золото осенних кленов, а потом движущаяся точка увела их в скучный типовой квартал, и Мордасова вовсе перестала смотреть по сторонам. Единственное, что ее интересовало, – конечная точка маршрута.

Логика подсказывала, что это будет подъезд старого дома. Так и вышло.

– Ну и какой у нас план? – озвучил общую мысль Иваныч, когда точка остановилась и замерла.

– Да какой план?! – Валентина Петровна выдернула руку из-под локтя своего джентльмена и решительно зашагала к подъезду.

Было четверть десятого.

– Час икс, – зловеще молвил Кондратий, провожая взглядом прямую спину Мордасовой.

– Бывают кадровые военные, а у нас с вами, братцы, генерал-кадровик! – восхищенно сказал Иваныч и, сбросив ветровку на руки Нюхе, принялся засучивать рукава байковой рубахи.

В десять ноль пять коллектив «Гырмырпыр Гырмырпейшн» пребывал в отделении полиции.

– Значит, в двадцать один шестнадцать – какая точность, однако! – вы, гражданка Мордасова Вэ Пэ, вошли во второй подъезд дома номер восемь по улице Морской и, не обращая внимания на возню под лестницей, стали подниматься по ступенькам, – глядя в только что написанную бумагу, произнес тучный немолодой капитан. – Однако, не доходя до площадки между первым и вторым этажом, вы перевесились через перила и уронили имевшуюся у вас при себе стеклянную банку с тушеной капустой. – Полицейский не смог сохранить невозмутимость и изумленно воззрился на размеренно кивающую Валентину Петровну.

– К гороховому супу несла, совсем забыла достать из сумки – замоталась, – объяснила гражданка Мордасова. – А тут она кстати прищлась, банка-то, хорошо, что мы ее не съели.

Капитан моргнул.

– Капусту, не банку, – еще объяснила гражданка. – Банка пригодилась как снаряд.

Она немного подумала (капитан опять моргнул) и добавила:

– Вместо гранатомета.

– А куда делся ваш гранатомет? – подозрительно слабым голосом спросил он.

– Его не было, – напомнила Валентина Петровна с некоторым сожалением. – Говорю же, только банка.

– И, перегнувшись за перила, вы ее уронили на голову гражданину Ветрову А Эм, – снова глянув в бумагу, сказал капитан.

– Во-первых, не уронила, а бросила, – поправила его гражданка Мордасова. – А во-вторых, не на голову, а на спину, хотя целилась в знакомое рябое лицо. Не очень удачно вышло, но нашего мальчика негодяй отпустил.

– А головой этот Ветров о стенку стукнулся, когда я ему в глаз дал, – вмешался молчавший дотоле Иваныч. – Вот тут как раз удачно получилось, мой кулак с одной стороны, кирпич девятнадцатого века с другой – подонок получил как следует.

– А в это время гражданин Колосов Ю Вэ, которого вы называете вашим мальчиком, лежал на полу подъезда в состоянии наркотического опьянения, верно?

– Неверно! – возмутилась Валентина Петровна. – Нашего мальчика насильно накачали наркотиком, привезли в чужой город и попытались уложить на пол того подъезда, перекрыв дыхательные пути с целью имитировать смерть от передозировки!

– Красиво излагаешь, – похвалил ее Иваныч.

– А перед этим, чтоб вы знали, гражданин Ветров обманом вынудил нашего мальчика продать принадлежащую ему квартиру, и это не первое его преступление такого рода!

– Разберемся, – неубедительно пообещал капитан.

– Скорее они разберутся. – Иваныч кивнул на дверь, в которую как раз шагнули подтянутые, строгие мужчины в цивильных костюмах.

За их широкими спинами в дверном проеме маячил, оживленно жестикулируя, Дрон.

– Это они, – громко нашептал он, поймав вопросительный взгляд Валентины Петровны. – Серьезные люди, для которых я ту программулину писал.

– Ты их вызвал? – тоже шепотом спросила она.

– Сами нашли нас!

– И что теперь будет?

– Уважаемые, подождите за дверью! – будто услышав вопрос, сказал один из вновь прибывших.

Валентина Петровна и Иваныч спешно вышли из кабинета.

В коридоре на стульях рядком сидели Ваня, Кондратий и Дрон.

– Нюха с Юрцом в больничку поехала, – объяснил отсутствие части коллектива его руководитель. – Но там все нормально должно быть, Юрец вернется как огурчик.

Дрон заржал, запрокидывая голову:

– Блин, реально Юрец-Огурец!

– Тише! Не надо так громко, тут люди работают, – осадила его Валентина Петровна.

– Расслабься, генерал, эту битву мы выиграли, – приобнял ее Иваныч.

– И ведь шикарный вышел квест! Не знал, что в реале тоже бывает так интересно, – оживленно сказал Ваня-Гена.

– Я даже не прочь повторить, – признался Дрон.

– Да мы реально дрим тим! Надо чаще тимбилдить! – Кондратий похлопал по плечам парней и восторженно посмотрел на Мордасову. – Вы же придумаете для нас еще что-то такое?

– Только не такое! – Иваныч демонстративно потряс правой рукой и подул на разбитые в кровь костяшки.

– Что-то другое, – легко согласилась Валентина Петровна.

Александр Руж

Тринадцатого в тринадцать

Деятнадцатый век пересек свой экватор. Неугомонное человечество осваивало электрическую энергию и пар, колесило по железным дорогам и взмывало в воздух на аэростатах, позировало перед объективами фотокамер и прокладывало телеграфные кабели между городами и странами. Где-то полыхали революции, гремели войны и антиколониальные восстания, а здесь, под теплым утренним солнцем, едва замутненным розовыми облачками, сидел в лодке русский барин Алексей Петрович Максимов и удил рыбу.

Лодка мерно покачивалась на ленивых волнах, они облизывали ее потемневшие от времени и влаги борта. Под умиротворяющий плеск барин сладко подремывал, и не было ему в этот момент дела ни до революций, ни до войн, ни до пара с электричеством, хотя образование он получил инженерное и технические новинки живо интересовали его пытливую натуру. Он мог без труда прочесть лекцию как о тепловых двигателях Уатта, так и о гальванизме, однако этим блаженным сентябрьским утром ему хотелось отрешиться от научного прогресса и всецело отдаться томной помещицкой забаве. Ему чудилось, будто он у себя в Псковской губернии, в родной деревеньке Медведевке, ловит на зорьке карасей, а в соседнем челноке сидит верный конюх Ерофей, поплевывает на червяков, нижеет их на крючки и сыплет невпопад рыбацкими афоризмами: «Плохая снасть отдохнуть не даст» или «Клев хороший, да улов негожий».

Удочку сильно дернуло книзу. Алексей Петрович отвлекся от ностальгических дум, открыл глаза и увидел высунувшуюся из волн акулю морду с зубами-кинжалами. Вот тебе и улов негожий... Сдавленное могучими челюстями удище хрустнуло и переломилось пополам. Морское чудовище недовольно затрясло уродливой башкой – оттяпанный гостинец пришелся ему не по вкусу. В следующий миг оно боднуло лодку с такой мощью, что та закачалась, как ванька-встанька, и изрядно хлебнула воды.

Максимов запустил в акулу обломком удочки и для пущей доходчивости огрел веслом меж маленьких свирепых глаз. Сии действия возымели совсем не тот эффект, на какой он рассчитывал. Оскорбленная зверина забултыхалась в зеленоватой воде и принялась бешено кружить, норовя опрокинуть утлое суденышко, чтобы добраться до сидевшего в нем человека. Пришлось выпалить из предусмотрительно захваченного на рыбалку револьвера. Попал или нет, Максимов не понял, но это было не столь важно. Чудо-юдо нырнуло под днище лодки, поддело ее напоследок спиной и ушло на глубину.

Потеряв инструмент для ловли и утратив благостное настроение, Алексей Петрович со вздохом взялся за весла и погреб к берегу. Грезы окончательно рассеялись, он глядел вокруг с унынием и горькой иронией. Русский барин на Карибском море – что может быть нелепее? Тут и солнце светит по-чужому, и рыба водится не та... и вообще, все другое, не такое, как дома. И нет рядом верного Ерофея с его прибаутками. Из прислуги только горничная Вероника, что четвертый год мотается с господами по белу свету, а из родных и близких – супруга Анита, она же Анна Сергеевна, она же, в минуты нежности, Нелли.

Житейские обстоятельства, приведшие их на Кубу, были весьма сложны. Оговоры, козни мстительных людей, собственные ошибки – все это сплелось в такой тугий клубок, что и концов не сыщешь. Как результат – оказалась их семья в опале. Деревню Медведевку и все оставшееся на Родине имущество отобрали в судебном порядке по ложному обвинению, и Максимов впервые ощутил на себе, что значит быть гонимым и лишенным средств к существованию. Возвращение домой грозило немедленным арестом, да и куда возвращаться? Ни денег, ни жилья, ни

приятелей, которые могли бы приютить и поддержать материально. Те, что прежде клялись в вечной дружбе, теперь затаились, на письма не отвечают. Что ж, их легко понять. Кому охота навлечь на себя неприятности из-за связей с лицами, объявленными в розыск...

Потому и занесло Аниту и Алексея Петровича, по-домашнему Алекса, сперва на Мадейру, а оттуда – напрямик через Атлантический океан – на далекий тропический остров, где они почувствовали себя в относительной безопасности. Максимов достаточно хорошо знал нравы отечественных правоохранителей и уверял себя и Аниту, что не достанет у них рвения пуститься в несусветную даль за двумя, прямо скажем, не самыми опасными преступниками.

На Кубе они первое время жили впроголодь, экономя последние гроши, пока Алексу не посчастливилось наняться на работу к богатому плантатору сеньору Гарсии. Нет, русский барин не надрывался в поте лица, вскапывая землю, корчюя пни или убирая сахарный тростник. Для него нашлось занятие вполне достойное: сеньор Гарсия слыл поборником всего нового, поэтому заказывал для своей фермы самые передовые технические устройства, но у себя в хозяйстве он не нашел ни одного умельца, который мог бы собрать их из груды деталей, приходивших почтовыми пароходами из Европы и Североамериканских Штатов. Максимов с готовностью вызвался помочь незадачливому прогрессисту, за что получил хорошее вознаграждение, позволившее снять аккуратный домик у моря и вести образ жизни, не порочащий дворянского звания.

Размышляя о недавних событиях, Алекс догреб до берега и вытащил лодку на песок. Ранней осенью на островах Карибского бассейна припекало почище, чем в летнюю пору на среднерусских равнинах. После полудня спасала только живительная тень парусинового тента, который Максимов пристроил рядом с домом и любил возиться под ним с железками, собирая для сеньора Гарсии очередного механического монстра.

– Много ли наловил, Алекс?

Вот и Анита – идет по пляжу в легком платьице, обвивающем щиколотки. Здесь, в Вест-Индии, вдали от крупных городов с их условностями, она позволяла себе наряды свободного кроя, идеально подходившие для жаркого климата. В салонах Старого Света их сочли бы ужасающе фривольными, но среди немногочисленных гасиенд, чьи хозяева не страдали чопорностью и снобизмом, она могла не опасаться общественного порицания.

Максимов показал ей пустые руки: мол, вся рыба осталась в море и на обед придется обойтись кроликом, которого Вероника давеча купила на ферме у Гарсии. Ну и ладно. Они ведь уже не настолько нищи, чтобы добывать себе пропитание, как простые крестьяне. Рыбалку Алекс считал чем-то вроде хобби и никогда не расстраивался, если возвращался ни с чем. Анита придерживалась такого же мнения, поэтому они тут же забыли о неудачном промысле и направились к дому, обсуждая планы на текущий день.

– Не съездить ли нам в Сан-Антонио? – предложила Анита.

Это был ближайший к ним городок, откуда несколькими годами ранее протянули железнодорожную ветку до Гаваны, одну из первых на острове. Как следствие, в заштатном поселении стали открываться новые лавки, где можно было найти товары со всего мира, – их доставляли морским путем в столицу, а оттуда развозили во все доступные для торговли точки. Поскольку поезд являлся наибо́льшим наземным транспортом, Сан-Антонио снабжался исправно и оперативно.

– Соскучилась по модным нарядам? – съехидничал Алекс.

Анита беззлобно парировала:

– Нет. По модным книгам.

Не такой уж она была жеманницей, чтобы тосковать по пышным и, чего греха таить, крайне неудобным одеяниям, а вот за новинками литературы всегда следила со вниманием. Чтение, особенно здесь, в захолустье, скрашивало досуг, как никакое другое занятие.

– Говорят, Мелвилл написал что-то из ряда вон выходящее, а я еще не видела. Все жду, когда привезут...

Но им не удалось обсудить творчество Мелвилла, потому как со стороны дороги, примыкавшей к пляжу, послышался громкий крик. Максимов встрепенулся и по армейской привычке выхватил из кармана револьвер.

– Эй! Кто там?

Крик повторился, и тотчас к нему добавились характерные звуки потасовки. Мангровые деревья, росшие вдоль дороги, не позволяли разглядеть, что происходит, и Максимов поднажал, чтобы успеть ввязаться в драку, пока она не прекратилась. Анита бежала за ним. Ноги вязли в рыхлом песке, что существенно замедляло скорость. Крики и шум стихли, и когда Алекс выскочил на дорогу, то обнаружил на ней одного-единственного человека. Он стоял на четвереньках и стряхивал со своего некогда белого костюма мелкую сухую пыль. Подле него валялись плоский чемоданчик и помятая широкополая шляпа.

– Цели? – спросил Алекс по-испански. – Кто на вас напал?

– Не знаю... – ответил потерпевший с ярко выраженным галльским акцентом. – Их было двое, один с ножом, другой с кастетом... – Он потрогал багровую ссадину на скуле и поморщился. – Вы подоспели вовремя, мсье. Они услышали вас и удрали.

На дороге появилась запыхавшаяся Анита. Максимов представил незнакомцу ее и себя. Азарт подзуживал пуститься в погоню за бандитами, но благоразумие заставило отказаться от этой затеи. Алекс уже как-то раз сталкивался с местными разбойниками, коих по острову бродило немало. Шайки состояли из всяческого сброда – безработных пеонов, бывших пиратов, беглых каторжников – и отличались наглостью и жестокостью. Связываться с ними, не обладая численным превосходством и надежным вооружением, стал бы разве что сумасшедший.

Алекс прошелся по дороге, отыскивая следы нападавших, но на твердом, спекшемся от зноя грунте ничего нельзя было разглядеть. Лишь две-три сломанные ветки и примятая трава на обочине показывали, в каком направлении скрылись головорезы. «Пожалуй, это к лучшему, что они убралась, – подумал Максимов». – Даже если их всего двое, неизвестно, в чью пользу завершилась бы схватка».

Он опасался не за себя – за Аниту. Жена, впрочем, не проявляла ни малейших признаков страха. Она помогла незнакомцу отряхнуть костюм и подала ему шляпу.

– Мерси, мадам, – пробормотал он с некоторой неловкостью.

– Вы француз?

– Анри Шенье к вашим услугам... Да-да, мы почти полные тезки с великим поэтом.

– Вы тоже пишете стихи? – осведомилась она, переходя на французский.

– Нет. То, чем я занимаюсь, к искусству отношения не имеет. Я, видите ли, зубной врач.

– Ну, это в определенной степени тоже искусство, – заметил Алекс, припомнив с содроганием, как в бытность офицером на Кавказе лишился в бою двух зубов и сделался жертвой полкового коновала.

– Возможно, вы правы, – не стал спорить господин Шенье и поднял с земли чемоданчик. – Не окажете ли вы еще одну услугу? Мне нужно попасть в Гавану, но я совершенно не знаю местности. В какую сторону идти?

– Вы собираетесь идти туда пешком? – удивилась Анита. – Боюсь, это путешествие займет не один день. И вы рискуете снова наткнуться на бандитов. Они здесь не редкость.

Господин Шенье смущенно улыбнулся.

– Дело в том, что грабить меня – даром терять время. Вот все мое богатство. – Он засунул руку в карман пиджака и извлек оттуда три монеты, каждая по франку.

– Негусто, – согласился Максимов. – Да только пока вы будете объяснять это здешним апашам, они вас изрешетят... Вот что: идемте к нам! Мне кажется, с вас довольно приключений на сегодня. Отдохните, подкрепитесь, а после решим, как с вами быть.

И господина Шенье, несмотря на его протесты, препроводили в домик, где Вероника уже стряпала жаркое из крольчатины. В ожидании обеда, за бокалом разбавленного апельсиновым соком рома однофамилец классика французской литературы поведал новым знакомым свою нехитрую историю.

Скромный дантист, вчерашний студент тщетно пытался завоевать популярность у пациентов в родном Лионе. Не имея ни опыта, ни сбережений, которые можно было бы вложить в рекламу, он быстро прогорел и свернул практику. В Луизиане у него живет родня – предки по линии прабабки, которые переехали на американские территории в числе первых колонистов. Они сумели обосноваться на новом месте, обзавелись маисовыми полями, табуном лошадей, полусотней рабов и теперь звали Анри к себе. Он ухватился за эту идею, как за спасительную соломинку, собрал пожитки, уместившиеся в одном чемоданчике, и рванул за океан.

Франков, заработанных врачеванием, на билет не хватило, поэтому вместо каюты пассажирского парохода господин Шенье довольствовался грязной каморкой на грузовом паруснике, перевозившем через Атлантику сельскохозяйственный инвентарь. Шкипер на судне попался вздорный, к тому же закоренелый пьяница. После очередных возлияний он требовал у мсье Шенье доплату, хотя сумму за проезд, о которой они условились еще во Франции, тот отсчитал сполна при посадке на корабль. Конфликт разрастался, заступиться за бедного пассажира было некому, так как немногочисленная команда, подогретая дешевым виски, целиком и полностью поддерживала своего капитана.

– Черт с ними, с деньгами, – говорил Шенье Аните и Алексу. – Если б они у меня были, я бы доплатил этим скотам, лишь бы доехать до места. Но все, что у меня оставалось, – это три франка, те самые, которые я вам показывал. А ведь мне еще предстояло добраться до Ред-Ривер...

Кончилось тем, что шкипер отказался везти злосчастного путешественника в порт Нью-Смирну, как было условлено, и высадил его на кубинском берегу. Спасибо, что не выбросил за борт. Такое вполне могло произойти, ибо, по словам мсье Шенье, чем ближе парусник подходил к американскому матерiku, тем реже капитана видели трезвым. Он как будто дал себе зарок уничтожить все запасы спиртного на борту до прибытия в конечный пункт. Короче говоря, сегодня на рассвете шлюпка свезла француза на песчаную отмель, и он со своим багажом побрел наугад, рассчитывая попасть в Гавану и ждать там okazji, чтобы переправиться через море. Столкновение с бандитами едва не подвело черту под его мытарствами.

– Вы одеты по-европейски. Они, верно, приняли вас за богатого вояжера, вот и напали, – авторитетно заявил Максимов и подлил гостю еще рому. – Вам повезло, легко отделались.

– Повезло? Может быть, – согласился Шенье, – но остальные мои проблемы никуда не делись. Похоже, я застрял здесь надолго. Мне даже нечем расплатиться с вами за гостеприимство, кроме этих жалких монет...

– Бог с вами, какая плата... Было бы неправильно с нашей стороны бросить вас в беде, – рассудила Анита. – Мы поможем вам доехать до Гаваны и снабдим деньгами на пароход.

Господин Шенье покачал русой головой.

– Вы очень добры, мадам, но такое предложение мне не подходит. Я и так обязан вам жизнью и не хочу взваливать на себя долг, который верну неизвестно когда.

– Мы вас не торопим, – заверил его Максимов. – Вернете, когда разбогатеете.

Но гордый француз избрал другой вариант. Он попросил бумагу, чернила и написал письмо в Луизиану. Три золотые монеты пошли на оплату почтовых расходов.

– Надеюсь, мои родственники пришлют мне денег, тогда я смогу покинуть этот остров и вознаградить вас за услуги, – провозгласил он, запечатывая конверт.

Пока же, за неимением в окрестностях гостиниц, ему пришлось разместиться в домике Максимовых. Тут уж Анита не приняла никаких возражений. Бедолаге выделили одну из двух комнат, выходящую окнами на стройную шеренгу агав. Господин Шенье заикнулся было о

том, что на улице тепло и он мог бы спать под навесом, дабы не стеснять хозяев в доме, но они выразили решительный протест.

Комнатка была невелика, в ней стояли железная кровать, платяной шкаф и круглый столик на фигурной ножке. Господин Шенье раскрыл свой чемоданчик, вынул оттуда принадлежности для бритья, чистый носовой платок и средних размеров картину в лаковой деревянной рамке, которую он поставил на столик, прислонив к стене. Там ее и увидела Анита, пришедшая вечером, чтобы позвать гостя на ужин.

– Какой занятный пейзаж! – промолвила она, рассматривая полотно. – Держу пари, что его писали не в Европе. Есть в нем что-то американское...

Мсье Шенье пожал плечами.

– Эту картину передал мне во Франции один джентльмен на пристани. Я говорю «джентльмен», потому что он был одет как англичанин, и в речи его слышался иностранный выговор. Он узнал, что я еду в Америку, и настоятельно попросил меня передать картину его брату, который живет в Нью-Смирне. Почему-то это было для него очень важно.

– Что он вам еще сказал?

– Ничего особенного... Пообещал, что брат заплатит мне за доставку. Я согласился. Поручение несложное, а в моем положении любой сантиметр или цент пригодится.

На картине был изображен осенний лес. Между елями и соснами виднелись деревья, похожие на клены. Их листья, окрашенные в красные и оранжевые тона, яркими пятнами выделялись на общем фоне. За лесом виднелся овраг, а над ним тонкой полоской протянулся мост с веревочными перилами. На лазоревом небе горел солнечный диск, его лучи просеивались сквозь хвою и листву деревьев и окропляли уже начинавшую жухнуть траву, из которой кое-где проглядывали шляпки грибов.

Анита взяла картину в руки – та оказалась тяжелой, видимо, из-за массивной рамы. В левом нижнем углу можно было прочесть небрежно начертанное название: «Маунт-Бридж. Тринадцатого в тринадцать», а рядом виднелась замысловатая закорючка – подпись художника.

Что-то в пейзаже показалось Аните странным. Но что именно? Может, эти неестественно яркие листья или слишком четкие, будто рельефные, солнечные блики?

– Не скажу, что писал мастер, – размышляла она вслух, поворачивая увесистый четырехугольник так и эдак. – Скорее любитель. Отдельные мазки небрежны, а что-то, напротив, выписано с излишней старательностью, буквально по-ученически.

– Я не поклонник живописи, – равнодушно отозвался господин Шенье и захлопнул крышку чемоданчика. – Не отличу Рафаэля от Рембрандта. И потом... меня всего лишь попросили выступить в роли курьера.

Анита поставила картину на столик и отошла на два шага, чтобы лучше оценить перспективу.

– Тогда вам нужно написать еще и этому брату. Он наверняка изводится от нетерпения.

– Я написал своим, чтобы они с ним связались. Пусть знает, что посылка в целости и сохранности, как только выдастся возможность, я выполню свое обязательство.

– Какой вы ответственный! – Анита одарила его комплиментом, на что он ответил:

– Это дело чести, мадам.

Далее беседа перетекла под тент во дворе, где Вероника уже накрыла стол.

За ужином Алекс и Анита наперебой расспрашивали мсье Шенье о Европе, которую покинули более полугодом назад. Француз отвечал, что за это время кардинальных перемен не случилось, по крайней мере во Франции. Вообще было заметно, что гость после длительного океанского перехода и насыщенного приключениями дня устал, ел он без аппетита, к мятному ликеру, сделанному Вероникой по креольскому рецепту, почти не притронулся. Глаза его слипались, и Анита прекратила расспросы. Не дожидаясь десерта, Шенье извинился и удалился к себе.

Максимов настоял, чтобы гость перед сном вывесил снаружи на дверь свой потрепанный дорожный костюм – единственную верхнюю одежду, которая у него имелась:

– Вероника почистит, подошьет... к утру будет как новый!

Француз поотнекивался, но все-таки уступил. Когда в его комнате все затихло, Анита вполголоса проговорила:

– Несчастный малый! Профессия у него полезная, но неизвестно, что его ждет в Луизиане. Народ там грубый, и в почете больше скотоводы, чем доктора.

Покуда господа обменивались мнениями относительно своего неожиданного постояльца, Вероника вычистила и починила его костюм, после чего удалилась к себе в закуток, дав понять, что свои обязанности она выполнила с лихвой.

Настенные пружинные часы – подарок сеньора Гарсии – показывали без пяти двенадцать ночи, когда Максимов зевнул, отложил чертежи, по которым завтра предполагал начать сборку парового двигателя для быстроходного катера, и напомнил, что пора спать. Анита с сожалением закрыла недочитанный роман Дюма и сделала шаг к постели, но в этот миг из комнаты француза донесся грохот.

Алекс вскинул голову, захлопал уже смыкавшимися от дремоты веками и потянулся к револьверу.

– Он что, с кровати свалился?

– Непохоже... – Анита подошла к двери, на которую Вероника повесила приведенный в порядок костюм, и деликатно постучала. – Мсье... с вами все хорошо?

Вместо ответа последовало яростное рычание, а вслед за этим раздался звон разбившейся стеклянной посуды – по всей вероятности, графина, что стоял на прикроватном столике.

Максимов, отбросив церемонии, саданул в дверь плечом, и она распахнулась. В комнате, освещенной тусклой свечой, царил кавардак: на полу валялись осколки, кровать была сдвинута, подушка с нее упала, а с оконной рамы, раскрытой по случаю ночной духоты, была сорвана сетка, защищавшая от мошкар. И главное – француз в комнате отсутствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.